

А В Т О Б И О Г Р А Ф И Ч Е С К И Е
заметки КУЗЬМИНОЙ Анны Петровны.

Мой отец Кузьмин Петр Кириллович родом из Царицына. В молодости он был речным грузчиком, а затем, в течении ряда лет работал слесарем. Беспokoйного, отзывчивого на чужую беду, непременно участника всех случаев коллективного недовольства рабочих, строптивого рабочего хозяина наказывали. Его нигде не принимали на работу, а "благожелатели" из полицейского управления "посоветывали" покинуть город, намекая на его неблагонадежность. Началась полоса скитаний в поисках работы и правды. Положение молодого рабочего осложнилось тем, что на руках было уже жена и ребенок. Его женой /моя мать/ стала работница конфетной фабрики. Астрахань, Красноводск, Баку, Гудермес, Бал-аджари — это места, где отец безуспешно пытался обосноваться на жительство.

Нежелательная политическая характеристика, проявляемая неутомимность когда дело касалось защиты интересов рабочих, была причиной частых переездов с места на место. Мать, после смерти отца, рассказывала, что отец не имел права жить на одном месте более трех месяцев.

В 1902 году он обосновался в Тихорецком рабочем поселке в паровозных мастерских, где и работал слесарем до смерти.

Умер отец в 1919 году, так и не успев изведать новой счастливой жизни, в борьбе за которую принимал активное участие с молодых лет.

После смерти отца, по рассказам матери, его друзей, по материалам архива, мне стали известны многие моменты из его жизни и понятны отдельные факты. Так, из архивного сборника "Боевые дни Тихорецка" стало известно, что отец активный участник боевых выступлений тихорецких железнодорожников. В 1905 году стал членом социал-демократической партии, а в 1917 году стал большевиком. Обремененный семьей /детей 6 человек/ он все же был активным участником политической жизни поселка. Стали понятны его частые поездки в Ростов, отлучки из дому, в свободное от работы время. К нам на квартиру часто приходили люди, больше всего женщины, под видом ремонта примусов, швейных машинок и др. домашней утвари. Приносимые вещи часто оставались без починки долгое время и ино

да выбрасывали. Очевидно они были предлогом для посещения отца. Старые коммунисты рассказывали /т.т. Вялова, Норзун и др./ что через отца оказывалась материальная помощь семьям репрессированных и живших в нужду рабочих революционеров. На протяжении ряда лет, через отца распределялись собираемые ^{здесь} в порядке рабочей солидарности. Добросовестное исполнение этих и подобных поручений создали отцу прочный авторитет и уважение среди рабочих и особенно их жен.

Когда нависла угроза белогвардейского нашествия, отец как и многие рабочие Тихорецка готовились, с оружием в руках, защищать Советскую власть. Он получил винтовку и боеприпасы. В день оставления красными Тихорецка в 1918 году отец был оставлен в подполье. Потянулись притч-ные, тревожные дни сурового подполья для старого революционера.

При царизме обыски в нашей квартире были частыми, при белых они ста-ли постоянными. Белогвардейцы имели свою звериную злобу на кадровых рабоч-их. Несколько раз только чудом, спасся отец от расправы белых "без суда и следствия". Свиристозаванный тогда тиф не пощадил отца.

В марте 1919 года он умер. На похорони отца явилось много рабоч их по-сел-ка и их жен, это свидетельствовало о его популярности. Было очевид-ным, что хоронили не рядового рабочего-слесаря, а человека игравшего последнюю роль в жизни. Даже тот факт, что хоронили его без свяще-ника, но с хоружьями (для маскировки), говорил о многом. Рассказывали, что врач Пучков /черносотенник/ отказавшийся прийти к отцу ночью во время кризиса, был затем задушен, в виде наказания за свои поступок. Бессильные уже расправиться с отцом, власти обрушили репрессии на остав-шущуюся, без всяких средств к существованию, его семью. Жена и пятеро детей, старшему из которых /мне/ исполнилось 16 лет, были выброшены, со своим скудным скарбом, и из казенной квартиры, буквально, на улицу.

Населению предшествовал тщательный, но безрезульт-атный, обыск. Старый подпольщик, перед смертью, оказался умнее своих классовых врагов: за па-ру дней до смерти он распорядился отконать и выбросить в уборную хранив-шуюся винтовку, уничтожил и некоторые документы. Мне впервые, как взрос-лой, откровенно сказал: "Дочка, при любых обстоятельствах, держись больше-

виков; только они укажут тебе верную дорогу в жизни".

Положение обездленной семьи облегчила рабочая солидарность: рабочие мастерских собрали немного средств, подыскали квартиру и еще долго не оставляли без помощи семью, оказывая материальную и моральную поддержку. С помощью кадровик рабочих мне, оставившей учебу в 6-м классе женской гимназии, была подыскана работа кассиршей магазина общества потребителей "Труд". Это был кусок хлеба для всей семьи. Для меня кончилось безрадостное детство. Начавшаяся юность была заполнена заботой о куске хлеба насущного. Прямо можно сказать, что мы не умерли голодной смертью в то бурное время, только потому, что получали поддержку от рабочих, друзей и соратников отца. Семья не могла бы прожить на скудный заработок 16-ти летней девчурки и случайные приработки матери. Всю свою жизнь я пронесла неизблемой веру в рабочую солидарность, считая ее великой силой в борьбе за народное счастье.

Для меня, выросшей в рабочей семье, в небольшом рабочем поселке, богатом революционными традициями, не было мучительных раздумий о дальнейшем жизненном пути. Он был завещан отцом и подготовлен всей окружающей меня средой.

Сразу же после изгнания белых в 1920 году, я, как и подавляющая часть молодежи поселка, стала членом комсомола, активными участником всех проводимых, несложных, но общественно значимых, мероприятий. Со всем молодежным племем мы участвовали в проводимых субботниках, в самообороне поселка, в концертах-митингах, а несколько позже, в борьбе с детской безпризорностью, в работе по ликвидации неграмотности и в прочих многочисленных делах и начинаниях выполняемых с энтузиазмом молодым племем.

Все эти мероприятия были начальными этапами нашего политического воспитания, роста нашей гражданственности.

Мы, первые комсомольцы, были такими же как и вся рабочая молодежь: много трудились, скудно питались, плохо одевались, веселились, искренне огорчались неудачами. Нас отличало от остальной молодежи, пожалуй, лишь

то, что мы рано стали взрослыми. Это проявлялось, прежде всего, в ответственности не только за себя, за свои дела и поступки, но и за общественные дела. Мы были полны нетерпеливого желания поскорее разделаться с остатками проклятого прошлого, украсившего наше счастливое детство и светлую беззаботную юность. Мы до фанатизма верили в то, что еще при своей жизни будем жить в коммунизм, будем участниками мировой пролетарской революции. При всем восторженном, романтическом отношении к действительности, мы твердо знали, что "ни бог, ни герой", а мы "своею собственной рукой", в кратчайший срок, построим новое справедливое общество. Мы были устремлены вперед и повседневные житейские невзгоды рассматривали как временные трудности частного порядка, неизбежные в переживаемое трудное начальное время. Мы верили в силу коллектива, преврали честолюбцев, выскочек, карьеристов, скряг, тех кто гнался за личными выгодами, беспокоился о личном благополучии. "Не для себя, а для всех и будущего" - было нашим девизом. Из этой нашей убежденности вытекала наша непримиримость к фальши, ко всем остаткам и рецидивам старого быта, та непорочность и боевитость, которую мы проявляли в больших и малых делах.

Первые комсомольцы были непримиримы к извращениям и излишествам в быту. Клеветой на них являются рассказы о бытовой распущенности, о вольном понимании и внедрении нового быта и пренебрежении к красоте. Но всем извращениям "модным течениям" первые комсомольцы были непримиримы. Значительно позже, в среде рабочей молодежи были принесены извращения и споры о новом быте, вульгарные взгляды на взаимоотношения парней и девочек, бравирование грубостью и нарочитой неряшливостью в одежде. Мы девушки были рады простенькому платьицу, самодельным босоножкам из дерева.

Через всю жизнь я, как и все старые комсомольцы, пронесла чувство ответственности перед народом за свои слова и поступки, беспредельную преданность идеалам партии, непримиримость к фальши, моральной и идейной расхлябанности, чувство локтя товарища по совместной борьбе, непорочность в любом деле, чувство хозяина жизни. По проявлениям этих ка-

честь, я узнаю и теперь старших комсомольцев.

Говорить о конкретных делах комсомольцев, значит пересказывать все то, что делалось в Тихорецке на производстве и в поселке, т.к. комсомольцы активнее участвовали и заправляли многих этих славных дел и начинаний.

В партийную неделю, 10 -го сентября 1920 года я была принята в члены коммунистической партии /тогда принимали в члены партии без кандидатского стажа/. Я, 17-ти летняя девушка, была горда доверием, оказанным мне коммунистами родного поселка и тем, что в рядах бойцов за новую жизнь, заняла место своего отца, умершего на боевом посту. С этого времени и до настоящих дней я не порывала связи с партией.

Началась напряженная повседневная жизнь рядового коммуниста, до отказа заполненная черными, будничными делами.

В начале 1921 года, я была послана в Горкомом партии на работу в организованное в Тихорецке политбюро ЧК. Здесь я прошла "ускоренный курс классовой борьбы". Не по рассказам других, не из газет, а на деле, мне пришлось познакомиться с контр-революцией, с матерями врагами советской власти, не останавливавшихся ни перед какими формами и методами борьбы, в своей звериной ненависти ко всему новому, советскому. Разгромленная в открытой борьбе, контр-революция не сложила оружия и опираясь на косность невежества, чуждые традиции, используя морально нестойких людей, просто обивателей всех мастей, продолжала свою грязную работу, подрывая и тормозя строительство новой жизни. Задержанная спекулянтка часто оказывалась связанной контрреволюционной группой, простой вор-участником политической банды. Случайный повод позволил раскрыть и изъять крупную контрреволюционную банду в станице Ново-Рождественской, в ликвидации которой я принимала участие. Вскоре политбюро ЧК было ликвидировано, а мы, все его сотрудники переведены в Краснодар в Куб.ЧК.

О самоотверженной, опасной и благородной работе славного отряда чекистов написано много, так что едва ли есть надобность останавливаться на моих конкретных делах. Мною, молодым оперативным работником, к тому же еще молодой девушкой, выполнялись несложные в общем поручения. Больше приходилось участвовать в группе сотрудников, проводившей определенные операции.

Непродолжительная работа в ЧК, общение с сотрудниками этих органов, с старыми коммунистами Волциным /наз. Политбюро ЧК/, Казаченко, Луганским и другими, была для меня хорошей школой классовой борьбы. Я научилась за отдельными, будто бы, второстепенными фактами, видеть непримиримую, на жизнь и на смерть, борьбу отживающего мира, с новым, со всем тем, что несла народу партия. Я научилась бдительности-качеству необходимому каждому коммунисту и комсомольцу, уметь видеть и отличать случайные и естественные явления недовольства советских людей, от заранее рассчитанной вражеской работы.

В те трудные годы союзником классовых врагов была разруха, а главное голод, поразивший большую часть страны и создавший исключительно напряженную политическую обстановку.

Голод стал причиной моего ухода из органов ЧК и возвращения в Тихорецк: без моей скромной материальной поддержки мать, две младших сестры и двое малолетних братишки оказались на грани голодной смерти. Я застала их опухшими от голода.

До сентября 1922 года я работала на технической работе в жел.дор. мастерских, но полная одновременно обязанности женорганизатора. Это было началом моей, в будущем, многолетней работы среди женщин. На этой работе я довольно крепко подружилась с коммунисткой с 1917 г. Натой Вяловой, работавшей тогда зав. женотделом Горкома партии, с коммунистками 20-х годов, постарше меня, возрастом, Луквэнчу Аней, Корнеевой Олей, Крымской Марией Кузьминичной. Они призвали мне вкус к партийной работе среди женщин. Эта работа была многогранной - от разбора семейных и бытовых неурядиц, трудоустройство женщин, до вовлечения достойных из них в ряды партии. Это был боевой участок многогранной партийной работы, в основе которой лежало стремление партии вовлечь женщин в созидательную работу. Без этого, как указывал Ленин, не мыслима победа социализма.

Практическая работа показала недостаточность моей теоретической подготовки. К тому же, в 1921 году, при очередной партийной проверке, меня как политически малограмотную перевели из членов в кандидаты партии. И вот в сентябре 1922 года меня послали в Армавирскую Совпартико-

ду . К этому времени несколько улучшилось материальное положение семьи, пошла работать младшая сестра Мария, а вышедшая замуж старшая сестра Тоня получила возможность изредка помогать матери.

В Совнаршколе я проучилась 6 месяцев. Здесь же, в январе 1923 г. была переведена из кандидатов в члены партии. В последующие годы, до 1929 года работала заведующей Женотделом Тихорецкого Горкома, Кавказского Отдельского Комитета партии и Армавирского Горкома партии.

В эти годы происходили в партии и в стране крупные события и перемены, на многие годы определявшие жизнь всех советских людей, всех коммунистов . Это был период моего активного участия в общественной жизни. Рос мой жизненный опыт, пополнялись политические знания. Расширился мой кругозор, сложились взгляды, понятия, убеждения.

По занимаемому положению члена бюро партийных комитетов, в составе которых я неизменно избиралась, я уже отвечала не только за свои личные дела, но и за работу организации, за дела партии.

Об отдельных моментах этого периода хотелось бы сказать, т.к. они на многие годы определяли жизнь советских людей, мою так же.

Все трудящиеся знали о тяжелой болезни В.И.Ленина, все следили за бюллетенем о его здоровье и все же весть о его смерти была для всех громом среди ясного дня

"на рабочего у станка
весть набросилась пулей в уме,
и какбудто слеза стакан
опрокинулся на инструмент."

Это святая праща: все старшие и малые, мужчины и женщины, коммунисты и беспартийные — все плакали, не стесняясь и не стыдясь своих слез. В эти скорбные дни я почти безвыходно была на предприятиях, проводила в дневных и ночных сменах митинги и беседы. Эти собрания были немногословные, а многолюдные. И везде повторялось одно и то же: безысходное горе, откровенные слезы. В партию потянулись кадровые рабочие. Шли по зову своего сердца, предлагая свой ум, энергию в распряжение осиротевшей партии, чтобы в этом могучем коллективе продолжать бессмертное дело Ленина.

Никогда до этого я не ощущала такого прочного единения партии и народа и, была горда тем, что являюсь ее членом, давая себе клятву довести до победного конца дело Ленина в тесном единении с народом.

После успешного завершения восстановительного периода, назрела необходимость коренного изменения курса хозяйственного развития страны, о дальнейших путях ее развития.

В партии и в народе определились различные точки зрения по этому коренному вопросу. Началась, тянувшаяся годами борьба с левыми и правыми оппозиционерами, с объединенным право-левым блоком и другими проявлениями антипартийных сил. Всех их объединяло неверие в силы и способности рабочего класса, руководимого партией, построить социализм, повести за собой крестьянство в условиях стабилизации капитализма. Своими истерическими криками о возможной гибели страны, они прикрывали свой отход от Ленинизма.

Преодолевая сопротивление оппозиции всех мастей и оттенков, партия выработала и приступила к осуществлению генерального плана строительства социализма. Его основу составлял курс на индустриализацию страны. Только на этом пути, не взирая на колоссальные трудности, обеспечивалась победа социализма, обороноспособность страны и коллективизация сельского хозяйства, избавлявшая массы крестьян от кулацкой кабалы. Многие годы шла борьба за эту генеральную линию партии, за ее практическое претворение в жизнь в условиях беспощадной, ожесточенной борьбе со всеми врагами социализма.

Мне нечего доказывать, что все эти годы, я боролась за осуществление генеральной линии партии, была в центре этой борьбы, участвуя в практической многогранной работе партии.

В связи с переездом из Армавира в Краснодар, по месту работы мужа и болезнью ребенка, я несколько месяцев не работала, но по мобилизации Крайкома партии работала в Приморско-Ахтарском районе по хлебозаготовкам и распространению крестьянского займа. *3 месяца.*

В 1929 году вместе с мужем вернулась в родной Тихорецк и работа-

да Зав. Женотделом. Главной заботой этих лет были хлебозаготовки и коллективизация, поэтому вся практическая работа коммунистов районной организации проходила не в городе, а в станицах. Здесь проходил передний край борьбы за социализм. Было невероятно трудно, т.к. все мероприятия встречались в штыки. Отвращеннее, разжиреннее на неповских хлебах, кубанское кулачество, реализуя на деле идеи правых оппортунистов в партии, решило заставить голодом Советскую власть отказаться от индустриализации, от курса на коллективизацию сельского хозяйства и повернуть развитие деревни на проторенный веками капиталистический путь развития, с неизбежной бедностью и кулацкой кабальной. Классовая борьба принимала самые острые формы, вплоть до убийств активистов. Одно время кулачеству и подняв голову контр-революции, удалось использовать выступления женщин против мероприятий партии в деревне. По краю прокатилась волна "бабьих бунтов". Озверевшие бабы, натравливаемые кулаками, избивали представителей власти, глумились над активистами, особенно над женщинами активными участниками в борьбе за хлеб, по реализации займов и в работе по коллективизации.

Во время такого свирепого "бабьего бунта", я оказалась в станице Иркиевской. Шумевших, размахивающих палками баб удалось с улицы завести в здание школы и здесь почти успокоить, настроить на спокойное обсуждение причин недовольства. Такой поворот событий не устраивал кулачье. Им удалось вновь "взвентить баб". В меня, председателя Стансовета, в секретаря ком"ячейки, находившихся на сцене, полетели булыжники, палки. Кто то заорал: "Бей их!". На сцену с криками, воплями полевли бабы для расправы с нами. Группе активисток женщин, знавших меня по неоднократным поездкам в станицу, удалось спасти меня от зверской расправы, вытащив в окно. Как не сильно было желание наказать бунтарей за все пережитое, пришлось на другой день защищать провинившихся от наказания, понимая, что бабы были подставными, а истинным виновником выступлений были прожженные классовые враги.

Находились силы в то время напряженное время и для работы в городе, хотя и урывками. Так с комсомольцами, с привлечением женщин активисток был организован комсомольский полк по линии Осоавиахима, в котором я бы-

ла командиром химзвода. Начальником штаба полка был, теперь уже известный писатель, мой земляк, Аркадий Первенцев.

Осенью 1929 года, вместе с мужем, была послана на краевые краткосрочные курсы организаторов крупных колхозов. Возникла потребность своими силами участвовать в перестройке сельского хозяйства на социалистический лад. По нашему глубокому убеждению, именно в деревне тогда нужны были подготовленные кадры работников, понимающих генеральную линию партии.

После курсов я отказалась идти председателем колхоза, считая себя некомпетентной в вопросах сельского хозяйства и выехала к мужу, работавшему уже председателем крупного колхоза станицы Батуринской Брюховецкого района, созданного в результате сплошной коллективизации. Партком станицы я была послана бригадиром 4-й бригады полеводческой. Бригада по своему размеру равнялась среднему колхозу, имея свыше 1,5 тысяч закрепленной земли, много инвентаря, рабочего скота и объединяла свыше 300 человек трудоспособных колхозников. Это был период становления колхоза, со многими неясностями в организации труда, его оплате и по другим организационно-хозяйственным вопросам. Дни и ночи уходили в напряженной работе, в преодолении встречающихся трудностей. К бригадиру обращались по всем большим и малым вопросам, шли с общественными и личными нуждами. Был период, когда судьба колхоза "висела на волоске", когда под влиянием статьи Сталина "Головокружение от успехов", были попытки разобрать семена, лошадей и инвентарь. Около месяца шла напряженная работа по сохранению созданного колхоза. Одновременно необходимо было готовиться к первой колхозной весне, от успешного проведения которой зависела дальнейшая судьба колхоза. Мне трудно давать оценку своей работы в качестве бригадира. Одно несомненно: почти все хозяйства остались в колхозе, не было случаев растаскивания имущества, весенний сев проведен во время и на высоком трудовом подеме. Среди женщин, на прополке посевов, впервые в колхозе было организовано социалистическое соревнование, начато было внедрение индивидуальной и мелко-групповой сдельщины взамен работы "скопом". Когда я в скором времени уезжала из станицы и оставляла бригаду, колхоз

ники искренне жалели, что расстаются со мной, а колхозники, по бабьи даже развелись, вместе со мной, при расставании.

Проработала я в Брюховецком районе до 1933 года. Некоторое время была инструктором Райкома партии по работе среди женщин, затем председателем Стансовета станицы Брюховецкой, зам. председателя Райколхозсоюза, затем зам. председателя Рай. НК РКК. Председателем Стансовета я была избрана в 1930 году. В этой крупной кубанской станице, работать в Совете было очень сложно, особенно по мобелизации денежных средств, в виде сбора налогов, реализации займов, проведение самообложения. Обязанностей было много, а прав у Совета маловато, в результате чего наши усилия не давали нужных результатов. Мое избрание председателем было своеобразной сенсацией для станицы; рушились казачьи традиции; "баба стала атаманом!". Казачьи группами приходили в Совет посмотреть на "атамана-бабу". Тогда же я была избрана членом Северо-Кавказского Крайисполкома и оставалась им два созыва. Была делегатом У1-го Всероссийского Съезда Советов.

В Брюховецком районе мне пришлось пережить мрачный период в жизни Кубанских станиц и колхозов, известный как "кулацкий саботаж". Здесь нет надобности подробно говорить о причинах, породивших его, давать, ~~о~~ этому явлению политическую оценку, а также рассказывать о всех мероприятиях по ликвидации его последствий. Все это в далеком прошлом. Я хочу остановиться на отдельных моментах, связанных с этим явлением.

В ходе строительства нового общества, партии не раз приходилось сталкиваться с очень большими экономическими трудностями, породившими политические осложнения в жизни страны. Все эти явления неизбежны в деятельности партии-первооткрывателя, ведущей народ по новому, неизведанному пути. Устранялись трудности успешно потому, что партия понимала природу трудностей, трезво, самокритично оценивала причины их породившие, и опираясь на народ находила силы и средства для устранения противоречий. Так было при Ленине при переходе к НЭП-у и при выработке курса на индустриализацию и в других случаях. В ходе колхозного строительства, в связи с новизной, игнорирования

принципа материальной заинтересованности колхозников, неправильного отношения к их подсобному хозяйству, в условиях самоустранения, в результате одержанных побед при коллективизации — обнаружались крупные недостатки в организационно-хозяйственном строительстве колхозов. Это повлекло к резкому уменьшению сдачи колхозами с/х. продуктов государству и ухудшение материально-бытового положения колхозников. Недостатки широко использовали недобитые классовые враги. Дело шло к развалу созданных колхозов, к уничтожению средств производства. Широкий размах получило воровство колхозной собственности, пала трудовая дисциплина.

Вместо присущей большевикам объективности в оценке создавшегося положения и выдержки при ликвидации возникших трудностей, были осуществлены, главным образом, меры административного порядка, по принципу круговой поруки. Все это еще больше ухудшило положение, ударив не только виновников, но и многих неповинных добросовестных людей.

Становление колхозов проходило в ожесточенной классовой борьбе, с преодолением веками укоренившихся частнособственнических наклонностей. Это вызывало иногда необходимость индивидуальных, крутых мер к тем, кто сознательно или бессознательно мешал общему делу. Но меры, примененные при сломе "саботажа" были ~~бесчеловечны~~ из ряда вон выходящие, никогда неприменимые в истории строительства социализма. По настоянию Кагановича, Давыдова неверную, необъективную оценку событиям, были высланы полностью отдельные крупные станции / Полтавская, Уманская, Урупская/, многие станции занесены на "черную доску" что означало лишение их жителей всяких прав. Была проведена внеочередная чистка сельских парторганизаций, оставившая вне рядов партии до 50% коммунистов. Многие из них были осуждены и высланы. Цветущие станции Кубани обезлюдели и заросли бурьяном, многие семьи буквально голодали.

К счастью, в скором времени административный разгул массовых репрессий был прекращен. Были введены экономические меры, создавшие заинтересованность колхозников в их труде. Эти меры через 2-3 года привели к расцвету колхозной экономики и резкому улучшению быта колхозников.

В описываемое время мне так же было брошено обвинение в организации

"саботажа" в ст. Роговской только на том основании, что там затянулись полевые работы /первые создавалась МТС/, затягивалось выполнение плана хлебзаготовок. Я была исключена из партии, но центральной комиссией решение было пересмотрено, в партии я оставлена, а нанесенная моральная незаслуженная рана долго оставалась.

Затем, по семейным обстоятельствам, я работала в Совхозе "Красное" Кулеевского района секретарем парткома, в Подкушевке председателем Совета, а с 1935 по 1938 год в Кривцовском районе Зав. Отделом пропаганды и Секретарем Райкома партии.

Так, жизненные обстоятельства забросили меня, городского человека, на долгие годы 9 лет в село, в период, когда в условиях ожесточенной классовой борьбы ломались старые ее устои и шла борьба за новую, социалистическую деревню. Я горда тем, что в этой гигантской созидательной работе, результатами которой сейчас восхищаются и пользуются советские люди, есть частица моего труда, моей энергии, моего сердца.

Все последующие годы моей работы с 1938 по 1946 год проходили в городе Краснодаре. Я работала: Зав. орготделом Горкома Партии, первым секретарем Красногвардейского Райкома партии, секретарем Горкома партии по кадрам, Зав. сектором партийно-комсомольских кадров ^{Райкома партии} и опять секретарем Горкома партии гор. Краснодара. По состоянию здоровья, в 1946 году, я ушла на пенсию. Все эти "пенсионные" годы не прекращала и не прекращаю общественной работы, являюсь несменным членом партбюро, членом товарищеского суда, выполняю отдельные поручения Райкома партии.

Из многих событий этого длительного периода, самым значительным была Отечественная война 1941-1945 годов.

Все мы, старые коммунисты, были приучены к мысли о неизбежности войны. Ее ожидали, к ней готовились, все имело укрепления обороны страны, терпели многие личные бытовые лишения. Последние 2-3 года предвоенной жизни проходили уже в условиях явной оцепененности войны, особенно в связи с начавшейся войной на западе. В этих условиях весть о нападении фашистской Германии была встречена по разному. Общим же настроением была уверенность в победе. Этим объясняется высокая дисциплинированность и

организованность, проявленная трудящимися и коммунистами в первые дни и единодушное одобрение начавшихся проводиться перестроек хозяйства на военный лад и ограничений в быту, в связи с войной. Организовано прошла мобилизация уходивших на фронт, замена их на производстве.

Не смотря на то, что военные события вначале развивались неблагоприятно и Краснодарское превратился в ближайший тыл недалекого фронта, уверенность в окончательной победе продолжала жить в сердцах людей, определяя их дела и мысли.

Сравнительно быстро была перестроена промышленность Красногвардейского района для выпуска военной продукции. Потянулись напряженные дни и ночи работы в условиях войны. Всю осень и зиму, в дожди и холода трудящиеся района ~~жизнерадно~~, не ослабляя работы на производстве, возводили оборонительные рубежи за Кубанью, в Юго-западной части города. Приходилось не только подбадривать людей словами, но и физически работать наряду со всеми, поскольку это, в тех условиях, было наиболее лучшим способом воздействия на людей.

В связи с захватом немцами Крыма и Ростова, стал вопрос об эвакуации ряда предприятий, материальных ценностей, рабочей силы, молодежи. Все это проводилось в спешке и не всегда целесообразно, однако других возможностей не было. Одновременно шла подготовка будущего партийного подполья на случай оккупации города, создавались партизанские и истребительные отряды.

Изменение обстановки на фронте к лучшему и приостановка наступления немцев, несколько разрядили напряженное положение, но все эти вопросы не были сняты с повестки дня, они решались уже без излишней спешки.

С начала 1942 года я стала секретарем Горкома п-артии по кадрам. Расширился масштаб моей работы, но содержание ее осталось тем же: дни и ночи работа для победы над врагом.

К лету угроза фашистского нашествия нависла над Кубанью и Краснодаром в частности. Увеличились заботы, напряжение в работе. Осуществляя необходимые меры по эвакуации, людей главным образом, нужно было все время следить за тем, что бы не дать вспыхнуть панике, самочинным действиям и поддаваться провокации. До последнего дня в городе сохранялся ~~на~~

порядок и не нарушался трудовой ритм на производствах, работавших на оборону. Самым трагичным, пожалуй, было то, что нам пришлось выводить из строя предприятия, машины, уничтожать материальные ценности, все то, что создавалось годами руками советских людей, под нашим же руководством, что бы *все* это добро не попало в руки врага и не было использовано в борьбе с нами же.

Осталась в памяти последняя ночь перед эвакуацией города и последние события, связанные с *этим* ~~мною~~.

8-го августа 1942 года весь день прошел на проверку, все ли сделано по вывозу людей кого намечали вывезти в организованном порядке: школы фабрично-заводского ученичества, молодежь призывного возраста, студенчество и другое.

Часов в 12 ночи нас в Горкоме партии осталось четыре секретаря: я, т.т. Попов секретарь по промышленности, Проценко третий секретарь и Просандиев секретарь по торговле. Тов. Санин С.Е. находился в Крайкоме партии, где заседал Военный Совет. Тов. Санин позвонил по телефону / я дежурила в его кабинете / и поручил мне немедленно обзвонить все предприятия города и проверить, все ли руководители и представители НКВД на местах для взрыва намеченных объектов при отходе из Краснодара, после чего всем нам явиться в Крайком. Я немедленно исполнила это указание, все директора предприятий были на месте за исключением Мирошниченко директора завода "Октябрь". Пока я звонила по заводам, т.т. Проценко и Просандиев ушли в Крайком. Из Горкома последними мной уходили с т. Поповым М.А. Выйдя на середину улицы Красной мы заметили, что в подездах каждого двора полно людей, но тишина мертвая. Сердцу так тяжело стало, ведь мы покидали город, а много людей оставалось, что ожидает их? Эта мысль не давала покоя.

Около здания Крайкома находилось несколько легковых машин. Примерно через час-полтора раздался оглушительный взрыв, с 3-го этажа здания Крайкома вывалилась оконная рама, осветив окно, свет сразу погас. Оказалось, что была взорвана Шорно-Седельная фабрика. После этого тов. Санин ушел из Крайкома и распорядился кто куда направляется.

Я, т.т. Гончаренко Председатель Горсовета, Псарева Е.Н. Зам. председателя Горсовета, Попов секретарь Горкома, Просандиев секретарь Горкома и еще один Зам. председателя Горсовета /фамилию его не помню/ уезжали на одной машине Горсовета. Отправившись мы через жел.дору мост на Тахтамукай, где была назначена встреча всего актива, истребительного батальона и Военного Совета. Приехали мы в Тахтамукай уже на рассвете 9-го Августа и высадились на площадке возле почты. Находящиеся на площадке автомашины, подводы и люди мною немедленно были распределены по дворам под деревья, имея в виду налет самолетов. Самы мы с т.т. Поповым и Просандиевым спустились к Кубани и наблюдали как горел уже Нефтезавод. Черный дым от нефти зирли небо над Тахтамукаем, поэтому мы не заметили как подкрался немецкий стервятник и с заглушенными моторами сбросил на Тахтамукай три бомбы. Мы с т. Поповым в это время подходили к почте, чтобы позвонить в Краснодар и получить дальнейшие указания. Услышав уже вой бомбы я еще успела крикнуть "ложись" и сама бросилась к забору сквера около почты, но была настигнута около телеграфного столба и тяжело ранена в левое плечо и правую ногу. Тов. Попов был убит около меня. Теряя сознание я все же распорядилась найти тов. Гостеву /пред. Крайкома Союза Красного Креста/ которая была в полном боевом порядке по медобслуживанию, которая оказала мне первую помощь и отправила в местную больницу, где уже никого не было. Вот здесь у меня происходила борьба между мыслью "как бы не оставили меня на занятой немцами территории" и потерей сознания, много теряла крови, а квалифицированной помощи некому было оказать мне. Единственное, что я просила, не забирать у меня пистолет. И вот, когда прибыл Военный Совет, меня распорядились отправить в медсанбат, находящийся в Ново-Дмитриевской. Отправление поручили тов. Псаревой Е.Н., которая не уехала до тех пор, пока грузовая машина с двумя носилками — меня и зав. 82й вечерней школой /фамилию не помню/ не ушла в медсанбат. Я сразу потеряла сознание и очнулась уже ночью, лежа на носилках под каким то сараем. Надомной склонился какой то военный, увидев что я пришла в сознание, он немедленно дал указание погрузить меня в санитарную машину и отправить в полевой госпиталь.

таль под станицей Саратовской. Когда машина тронулась, я опять потеряла сознание и очнулась уже днем в лесу, около меня сидит комиссар госпиталей т. Липорская, которая узнала меня /мы с ней работали на женотделской работе в 1924 году/. Она мне отрезала косы, которые слиплись от крови, хотя я ее умоляла не резать, уж очень жаль мне было свои косы. В этот же день 10-го Августа были мобелизованы местные подводы и 46 подвод нагруженные тяжело ранеными тронулся в путь на Туапсе. Везли нас только ночью, а днем скрывали в лесах. По той же дороге шло отступление армии, эвакуировали скот, технику, людей. Немецкая авиация поливала эту дорогу смертоносным огнем днем и ночью. В Хаджиах, где все горело от взорванных нефтяшек, наш обоз ночью чуть не остался у немцев, и только благодаря смелости и человечности подводчиков, весь обоз был спасен, который рсизью /не смотря на стоны, ругань и крики раненых/, прорвался через линию наступления немцев.

Под Туапсе нас перегрузили в товарные вагоны из под угля. Только погрузили и налет немецкой авиации. Машинист сумел втянуть состав в туннель. И вот из туннели пекирующие самолеты не давали несколько часов выйти составу, разбомбив жел.дор. путь. Туапсе горело. Раненые задыхались в туннели, а машинист подходит к каждому вагону и ласково успокаивает раненых потерпеть еще немного. Нро то бросил в вагон мешок листьев табаку. Нро мог сворачивал прямо из листьев закрутки и курил. Так мы провели ночь в вагоне. Когда нас вывели из туннели не помню, но на утро получилось интересное зрелище. Я впервые в жизни была свидетелем истерики смеха. Вагон покачиваясь мчит по рельсам, все раненые спят, дремлет и санитар, один обожженный танкист стонет, на нем нет живого места, он весь в бинтах и безконца курит. Вдруг, раздается негромкий смешок, потом громче, громче, потом смеется весь вагон, корчась от болей, но смеются. Люди, глядя друг на друга заливаются в истерическом хохоте и никто не поймет в чем дело. Оказалось, что угольная пыль, покрывавшая стенки вагона, от движения оседала на лежащих раненых, все стало черное, белыми оставались только зубы и белки глаз. И вот когда в вагоне стало светло утром, люди увидели друг друга, подняли смех, куда девалась физическая боль от ран. Смех поборол все.

В Сочи нас привезли 16-го Августа вечером, я попала в госпиталь.

где была сделана операция и оказана квалифицированная медицинская помощь. В Сочи пробыла до 25/УИ, потом отправлена в Сухуми, затем в Боржоми, Баку, а 6-го Ноября 42 г. отправлена с военным госпиталем за Каспий, где попала в поселок Янги-Юль за Ташкентом в Солнечногорский Госпиталь эвакуированный туда в свое время. В Баку положение мое было тяжелое, предполагалась ампутация, на 14-е октября была назначена ампутация левой руки, обнаружен металлический осколок в левом легком и когда после второй операции положение улучшилось, ампутацию отменили. В Янги-Юле я еще перенесла одну операцию и заживление наступило только в апреле 1943 года.

Когда освободили Краснодар от немецко-фашистских захватчиков, я уже не могла дальше терпеть. Было твердое решение ехать прямо в Краснодар, но при моем состоянии здоровья и еще ненадежной жел. дороге от Новомихайевской до Армавира, меня отправили в гор. Ереван через Баку, куда была эвакуирована из Сочи моя сестра с детьми. Муж мой находился в Армии на Сталинградском, потом на Моздокском фронтах. Сын эвакуировался со Спецшколой в Лазаревку, откуда уехал с отцом на Сталинградский фронт. Мужу и сыну сказали, что я умерла от ранения, но сын все же разыскал меня в Янги-Юле, когда был отправлен отцом из Сталинграда в Спецшколу. Эта радостная встреча получилась в госпитале и осталась на всю жизнь.

В Ереван ~~Арабкир~~ я приехала в мае 1943 года, откуда попала в Краснодар 15-го сентября 43 года по вызову тов. Санина. До конференции я работала в Крайкоме партии Зав. Сектором партийно-комсомольских кадров и в августе 1945 года на партийной конференции избрана 3-м секретарем Горкома партии, где проработала до декабря 1946 года. Ушла с работы в связи с ухудшением состояния здоровья, выехала в Москву на операцию, муж находился в то время уже в Манчжурии, а сын был курсантом Авиашколы в гор. Черчик в Средней Азии. Сейчас я пенсионерка республиканского значения, получаю 80 руб. пенсии. Выполняю общественную работу. Закончила Народный университет Правовых знаний - два года факультета товарищеских ^{нар.} судов и два года факультета народного контроля.

Имею награды: 1. Медаль за доблестный труд в Отечественной войне 1941-1945 г.

2. Медаль за оборону Кавказа.

3. Медаль 20 лет победы в Великой Отечественной Войне 1941-1945 г.г.

4. Орден трудового Красного знамени.

Хотелось бы сказать доброе слово о тех, кто оказал определенное влияние на формирование меня, как коммуниста и как работника.

Я с большой благодарностью вспоминаю Нату ВЯЛОВУ, коммунистку с 1917 года. При близком знакомстве с ней мне открылись, не всем видные, замечательные черты характера: скромность, внимательность, желание прийти на помощь товарищу. Эти качества сочетались с партийной принципиальностью и преданностью.

Секретаря Крайкома партии тов. СЕЛЕЗНЕВА П.И. по праву я могу считать своим политическим учителем. Высокую принципиальность, требовательность он считал с простотой в обращении, выдержкой, деловитостью, вниманием к "мелочам" работы. Он поощрял инициативу, оказывал товарищеское содействие и поддержку в случае неудачи. Всем нравилась его скромность, неукоснительное соблюдение норм партийной жизни. В нем удачно сочетались черты работника, которые принято называть в партийной среде "чекистскими".

С тов. САНИНЫМ было легко работать, он не подменял и поощрял инициативу. Внешне суровый, он был добрым, отзывчивым товарищем.

Таков затянувшийся рассказ о моей жизни, об отдельных эпизодах борьбы партии за новую жизнь.

На протяжении 48 лет моя личная жизнь определялась событиями, происходившими в партии, в стране. Мы старые коммунисты - продолжатели славных дел своих отцов. На нашу долю выпало много больших дел: построен социализм, в классовой борьбе защищены завоевания Октябрьской Революции, сохранена независимость Родины и отбита атака озверелого фашизма.

Советский Союз шел и идет в авангарде борьбы народов за светлое будущее людей. Делами своего поколения я с полным правом горжусь, т.к.

в них есть и частичка моего труда.

Мои заметки - отчет перед детьми и внуками о прошлом, сделанном и горячий призыв приумножить наши дела, завершить строительство коммунизма.

Кузнец /А. КУЗЬМИНА/.

21 Мая 1968 года.

Гор. Краснодар.